

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ВИТАЛИЙ
РАУЛ**

**ПОШАТНУВШИЙСЯ
ТРОН**

**ПРАВДА О ПОКУШЕНИЯХ НА
АЛЕКСАНДРА III**

Дело не закрыто

Виталий Раул

**Пошатнувшийся трон. Правда
о покушениях на Александра III**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)"1887/88"
ББК 63.3(2)52

Раул В. М.

Пошатнувшийся трон. Правда о покушениях на Александра III /
В. М. Раул — «Алисторус», 2018 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-907028-50-0

После гибели императора Александра II в семье Романовых начался процесс настоящего размежевания. Все окружение Александра III знало, кто и почему организовал убийство царя-освободителя, но бездействовало вплоть до пересмотра А. А. Половцовым «Учреждения об императорской фамилии». По новому закону потомство великокняжеских семей теряло статус «императорских высочеств», переходя в разряд «князей императорской крови», и не могло претендовать на трон. Именитая родня не желала мириться с лишением прежних привилегий. В итоге два покушения на Александра III – 1 марта 1887 года и 17 октября 1888 года – были щедро профинансированы, профессионально организованы и сорвались лишь в силу случайных обстоятельств. В книге рассматриваются неизвестные ранее следственные материалы и переписка, детали организации покушений, бесспорно, свидетельствующие об их заказном характере. Особый интерес автор проявляет к теракту с участием старшего брата В. И. Ленина Александра Ульянова – как к событию, имевшему серьезные последствия в исторической перспективе.

УДК 94(47)"1887/88"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907028-50-0

© Раул В. М., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть I	13
Глава 1. Наследство отца	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виталий Раул

Пошатнувшийся трон. Правда о покушениях на Александра III

© Раул В. М., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Вместо предисловия

«Маленькие» трагедии российского престолонаследия

Для России 1881 год означал не только очередной цикл престолонаследия, всегда отмечавшийся политическими всплесками. Этот несчастный год положил начало глубокой деградации высшего управленческого звена России – монархического дома Романовых. Процесс этот, сразу замеченный современниками, пошел нарастающим итогом после утверждения на российском троне новой ветви родового древа Романовых – потомства императрицы Марии Александровны во главе с ее сыном Александром III. Сам механизм престолонаследия, обнаруженный Петром I в 1722 году как «Устав о наследии престола», поставил назначение наследника в зависимость от воли «правительствующего государя», то есть предусматривал передачу власти по завещанию. Петровская оговорка в главном документе страны породила множество коллизий, развернувшихся вокруг российского трона после смерти императора, так и не оставившего завещания. Борьба за власть после Петра I принимала самые причудливые формы, в том числе вокруг завещания как такового. Так продолжалось до кончины императрицы Екатерины II, когда ее сыну Павлу I с помощью секретаря императрицы Безбородко удалось уничтожить завещание его матери и стать императором. По завещанию Екатерины II российский трон передавался ее любимому внуку Александру.

Вполне осознав на своем личном примере шаткость передачи власти по воле царствующего монарха, Павел I уже в день коронации подписал Акт о престолонаследии, положивший конец завещательной форме, установленной Петром I: «дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род». Акт предусматривал право на наследование престола за мужскими членами императорской фамилии, и в первую очередь за старшим сыном царствующего императора, а после него всему его мужскому поколению. Акт был утвержден Сенатом 14 апреля 1797 года вместе с другим важным документом – «Учреждением об императорской фамилии», регламентировавшим как состав и иерархию императорской фамилии, так и права и обязанности ее членов.

Павлу не суждено было в полной мере воспользоваться плодами своего законотворчества и передать власть в установленном им же самим порядке. Старший сын императора Александр формально получил права наследования вслед за отцом, однако многие обстоятельства, в том числе и внешнеполитические, привели к ситуации 1801 года, когда против императора Павла I сложилась внутренняя коалиция, которую и возглавил законный наследник российского трона. Историки до сего времени не могут однозначно назвать главный мотив устранения императора Павла I с российского трона. Современный исследователь темы гибели императора Павла I Натан Эйдельман был близок к полному раскрытию действительных причин возникновения заговора, но по ходу исследования погряз в деталях и в результате так и не смог назвать вещи своими именами. Эйдельман последовательно отверг версии сумасшествия императора, конфликта с дворянской средой, и на этом исследовательский потенциал историка был исчерпан и растрочен на разного рода частности, только уведившие в сторону от цели.

В действительности на глазах европейской общественности разыгралась быстрая драма, грозившая полным крушением самой могущественной державы современности – Британии. В ноябре 1799 года (18 брюмера) во Франции произошел государственный переворот, и к власти пришел первый консул Республики Наполеон Бонапарт. Самый реалистичный в истории Франции политик, Бонапарт выдвинул формулу «Франция может иметь союзницей только Россию». Он неуклонно проводил линию на сближение с Россией и преуспел. В лице русского императора Павла I Бонапарт нашел столь же прагматичного лидера, и начиная с 1800 года Франция

и Россия начали политическое сближение, которое быстро клонилось к военному. После разгрома Австрии под Маренго, в июне 1800 года, у первого консула Французской Республики возникло естественное стремление к объединению военных усилий двух стран. К началу 1801 года между Павлом и Бонапартом наладилась личная переписка, ставшая настолько откровенной, что имевшие место неизбежные утечки и были основной причиной заговора против русского императора. В середине января 1881 года Павел направил Бонапарту письмо, где, в частности, предложил: «Не мне указывать Вам, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам: нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии» [1].

До этого сам Бонапарт заявил специальному посланнику Павла I, генералу Г. М. Спренгпортену: «Вместе с Вашим повелителем мы изменим лицо мира». Перед Британской империей впервые за многие годы замаячили реальные контуры военной коалиции двух континентальных держав, с перспективой высадки на Британских островах иностранной армии. В свою очередь, российско-английские отношения подошли к состоянию фактического разрыва: английский посол Уитворт покинул Россию, а в Англии назначенный вместо посла Воронцова поверенный в делах к делам не преступил. На фоне таких событий и тревожной информации в Лондоне началась тихая паника. Для воздействия на мятежного русского монарха вся надежда была на наследника великого князя Александра Павловича. Он и стал во главе заговора против собственного отца. Романовы в который раз пошли на поводу у Британской короны, приговорив собственного лидера, ко всему еще оболгав его сумасшедшим. Великий союз не состоялся ввиду неожиданного апоплексического удара, поразившего императора Павла I в ночь на 12 марта 1801 года в собственной спальне.

Романовы в марте 1801 года насильно вернули Россию в лоно легитимных европейских монархий, обеспечив безопасность Британских островов, реставрацию Бурбонов и целое лишнее столетие существования абсолютизма в Европе.

В российской историографии беспримерное политическое убийство Павла I старательно замазывается под какой-то всплеск страстей пьяных офицеров, ворвавшихся ночью в Михайловский дворец. Главной фигурой заговора везде фигурирует петербургский генерал-губернатор Петр Алексеевич Пален (Peter Ludwig von der Pahlen), редкий проходимец, который с согласия Романовской семьи взялся организовать смещение императора Павла с российского трона. Перед «честным» губернатором открылся бездонный британский кошелек, с помощью которого Пален смог в короткий срок подкупом и обманом дискредитировать лояльных Павлу деятелей, спойти и развратить верхушку гвардейского петербургского офицерства и фактически спровоцировать физическую расправу над русским императором.

В Европе в апоплексический удар, постигший Павла I, никто не поверил, а Бонапарт прямо указал на организаторов убийства с Британских островов. Тем не менее дело было сделано: великий князь Александр Павлович в соответствии с завещанием Екатерины II стал императором Александром I и вместе со своими ближайшими родственниками горько оплакивал убиенного отца. Романовым не впервой было изображать обиженных и оскорбленных. Заняв российский престол в связи с безвременной смертью отца, Александр I развернул европейскую политику в соответствии с британским трендом и много сделал для сокрушения Наполеона Бонапарта.

К 1820 году победоносный российский император столкнулся вновь с проблемой престолонаследия. Брат императора великий князь Константин Павлович, являясь законным наследником престола по родовому старшинству, никак не мог устроить свою личную жизнь, запутавшись в любовницах, что привело к разводу с законной супругой принцессой Саксен-Кобургской, Юлианной Генриеттой (Анной Федоровной). Официальный развод был утвержден Синодом в начале апреля 1820 года. Так как неугомонный брат императора изъявил желание вновь сочетаться браком, но теперь уже с польской графиней Иоанной Грудзинской, Алек-

сандр I был вынужден оградить русский престол от новой напасти. Для этого потребовался специальный Манифест, призванный исключить появление в императорской семье лиц, не имеющих соответствующего достоинства. В случае заключения брака с лицом, не представляющим какой-то владетельный дом, член императорской семьи безоговорочно лишался права занятия престола. В Манифесте Александра I от 20 марта 1820 г. так и говорилось: «Мы признали за благо для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия Императорской Фамилии и самой Империи Нашей присовокупить к прежним постановлениям следующее дополнительное правило: если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, т. е. не принадлежащим ни к какому Царствующему или владетельному Дому, в таковом случае Лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав на наследование Престола». Правило это составило ст. 36 Основных законов, а правило о непринадлежности к Императорскому дому неравнородной супруги и детей от неравнородных браков – ст. 188, лишняя раз показывая, что понятие принадлежности к Императорскому дому и право на престол в глазах закона неравнозначны. Проявленная Александром I предусмотрительность не повлияла, однако, на случившуюся в российских верхах путаницу с передачей власти после неожиданной смерти Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 года.

Брат императора, великий князь Константин Павлович, отказался от престола, и его решение было оформлено специальным Манифестом императора Александра I от 16 августа 1823 года. По каким-то соображениям император не оглашал Манифест, и после его смерти возникла некая пауза, когда потребовалось подтверждение отказа от престола брата Константина. Пока братья усопшего императора, Константин Павлович и следующий по старшинству Николай Павлович, обменивались письмами, возникло так называемое междоцарствие, то есть временное безвластие. В конце концов, императором был объявлен третий сын Павла I, великий князь Николай Павлович. Манифест о восшествии на престол Николая I был оглашен в Сенате поздним вечером 13 декабря 1825 года. Повсеместная присяга должна была состояться утром 14 декабря.

Воинские части, размещенные в Петербурге, принимали присягу по местам своей дислокации рано утром. Однако весь день 14 декабря 1825 года сложился не так, как было предусмотрено: на Сенатскую площадь вышло несколько полков, подстрекаемых своими офицерами, которые отказывались присягать императору Николаю Павловичу, так как недавно присягали его брату Константину. По существу, весь инцидент спровоцировали братья Романовы, устроив неразбериху с передачей власти и присягами то одному из них, то другому. Этим редким обстоятельством попробовали воспользоваться так называемые «тайные общества» из офицеров и «статских», давно обсуждавших возможные перемены в государственном строе. Вся трагедия момента заключалась в том, что солдаты, приведенные на Сенатскую площадь, понятия не имели, что задумали их командиры. Всего, как утверждают источники, на площади построились 3000 солдат. Император Николай I, только что получивший власть, как мог, воздействовал на построенные части войск через генерал-губернатора и священников, пытавшихся уговорить солдат подчиниться властям. Офицеры из «тайных обществ» не подпускали посланцев императора к солдатам. Бессмысленное противостояние, продолжавшееся весь день, прервал приказ императора открыть огонь из пушек картечью. Несколько залпов в упор по шеренгам солдат мгновенно решило все дело. Толпы солдат бросились спасаться на лед замерзшей Невы, но и там их настигали картечь и ядра. Всего за этот день было убито и утонуло в Неве около 1200 человек.

В российскую историю бойня на Сенатской площади вошла как «Восстание декабристов». Особое значение этому событию придавала советская историография, как яркому примеру вооруженной борьбы народных масс с самодержавием. Невозможно обозреть весь массив диссертаций на тему «Восстания 14 декабря», но возглавила этот многочисленный и славный

отряд женщина, сумевшая стать академиком. Ей удалось написать по теме больше всех печатных листов, и внушительные фолианты, испещренные таблицами и схемами, достойно представляют автора во всех уважающих себя библиотеках. Событие 14 декабря 1825 года на самом деле являет собой беспримерный образец качества управления Романовых, когда неразбериха и высокомерие в высших эшелонах власти выливались в кровавые события на улицах и площадях. Произошедшее на Сенатской площади имеет только один признак «Восстания» – это расстрел картечью толпы обманутых солдат, других признаков просто нет.

Следующим испытанием российской государственности стало очередное нарушение Романовыми закона о престолонаследии, а точнее его положения о неравнородных браках, введенное Манифестом императора Александра I. Традицию Романовых – попираť свои же собственные законы – продолжил следующий император Николай I. Он грубо проигнорировал Манифест от 20 марта 1820 года своего старшего брата при выборе невесты своему сыну – наследнику Александру. Тогда, в 1839 году, сватовство и последующий брак будущего императора Александра II протекали под непосредственным контролем императора Николая I, и тем не менее был допущен вопиющий мезальянс с приемной дочерью великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига II. Так случилось в семье герцога, что его жена Вильгельмина Баденская увлеклась придворным слугой и даже родила от него сына и дочь. Измена и огласка происхождения детей не повлияли на решение герцога формально признать детей неверной супруги своими. Благородный жест герцога существа дела не менял, но послужил поводом для одобрения брака цесаревича Александра Николаевича с приемной дочерью герцога Марией. Принимая решение на брак сына Александра и Марии, Николай I был прекрасно осведомлен о происхождении невесты, но счел возможным пренебречь таким важным обстоятельством, подрывавшим легитимность брака в целом.

Единственный русский историк Александр Николаевич Савин, имевший доступ к документам о сватовстве цесаревича Александра, был поражен случившимся в семье Романовых казусом:

«Как бы то ни было, факт остается фактом: монарх, который считался самым непримиримым, упрямым и сильным представителем европейского легитимизма, нисколько не был смущен сомнениями насчет чистоты крови в жилах невесты своего наследника и с легким сердцем успокоил себя отсутствием официально заявленных возражений по поводу законности ее происхождения, тем, что отец признал или, по крайней мере, терпел ее и вырастил в качестве законной дочери».

Совершенно иначе восприняла сватовство сына императрица Александра Федоровна, дочь прусского короля. А. Н. Савин очень точно описал переживания матери наследника:

«Как ни привыкла Александра Федоровна не выходить из воли мужа, смотреть на него снизу вверх с гордой и любящей покорностью, в данном случае она не могла встать на его точку зрения. Тень, лежавшая на дармштадской девушке, удлинилась и накрыла ненаглядного Сашу, больно задела и его мать. Александре Федоровне, гордой чистотой своей крови и своим незапятнанным супружеским целомудрием, стало стыдно, по-женски стыдно, точно от прикосновения к чему-то грязному. Она не смела сказать мужу и сыну всего, что она чувствовала; ей скоро придется защищать невесту своего первенца перед своей шокированной берлинской родней» [2].

Удивление историка Савина по поводу явно нелегитимного брака цесаревича Александра Николаевича, который стал императором Александром II, так и осталось реакцией единственного ученого и дальнейших научных последствий не имело. Во-первых, потому, что вся подноготная сватовства российского цесаревича в 1839 году попала в руки Савина случайно, через 80 лет, в кровавом 1919 году. Романовы уже были изгнаны из Страны Советов, последний царь Николай I расстрелян вместе с семьей на Урале. Материал, собранный Савиным, хотя и был опубликован в академическом издании, прошел незамеченным, как целиком исчерпав-

шая себя тема. Кроме Савина, никому и в голову не пришло, что между двумя событиями: убийством царской семьи в подвале дома в Екатеринбурге и нелегитимным браком цесаревича Александра Николаевича в далеком 1841 году – существует какая-то связь.

Советские историки в пылу революционных будней напрочь забыли, что Россия до Октябрьского переворота жила и развивалась по совершенно другим законам, нарушение которых влекло тяжелые последствия.

Результат легкомысленного брака цесаревича Александра, при полном согласии его отца императора Николая I, оказался тяжким как для России, так и для самого императора Александра II. Дело здесь не только в нарушении правила равнородства. Николай I, разрешив сыну подобный брак, нанес оскорбление германской династии Гогенцоллернов, располагавшей в то время целым набором принцесс на выданье в германских владетельных домах. Появившуюся в российско-германских отношениях трещину Романовы старательно скрывали, но это ничего не меняло в существе дела: император Николай I на глазах всей германской монархической элиты разрешил абсолютно нелегитимный брак своего наследника.

Российская историография в условиях самодержавия не могла исследовать этот вопрос с точки зрения политических последствий, так как не имела доступа к документам такого уровня, как переписка и дневники членов императорской семьи. Это не значит, однако, что вопрос не существовал. Браки европейских монархов уже давно были инструментом высокой политики, и отсутствие широкого обсуждения случившегося династического скандала не означало, что все сошло на нет, без всяких последствий. На языке династических отношений мезальянс российского наследника престола означал образование новой ветви Романовской династии с условной легитимностью. Пока был жив император Николай I, а затем и его наследник Александр II, получивший трон по закону о наследовании, династический скандал имел «спящую» форму, то есть был заблокирован и забыт. Возможно, все прошло бы гладко: если бы брачный союз Александра II и Марии Александровны был крепок, их семейная тайна так и осталась бы «скелетом в шкафу». В действительности подтвердились наихудшие предчувствия матери императора Александры Федоровны. Повторный брак императора Александра II после смерти императрицы Марии Александровны разбудил дремавший механизм престолонаследия. Своей супругой император сделал обедневшую русскую аристократку из рода Долгоруковых. К моменту заключения нового брачного союза княжна Е. М. Долгорукова (Долгорукая) уже имела трех детей от императора, рожденных вне брака, которых Александр II немедленно признал родными.

Новый брачный союз российского императора означал предстоящую коронацию императрицы Екатерины III со всеми вытекающими последствиями. В этом случае сын Екатерины Долгорукой, девятилетний Георгий, становился великим князем Георгием Александровичем и мог претендовать на российский трон в качестве законного наследника. Династическая коллизия, возникшая в Романовской семье в середине 1880 года, не оставляла никаких шансов на престол уже назначенному наследником сыну императрицы Марии Александровны Александру. В случае оглашения нелегитимности первого брака императора, по признакам неравнородства, права на наследование российского престола могли перейти к сыну императора от второго брака Георгию. Род Долгоруких восходил к первому российскому владетельному дому Рюриков. На весах равнородства и легитимности сын Александра II Георгий имел явное преимущество. После смерти императрицы Марии Александровны легитимность ее сына Александра в качестве наследника русского престола стала не просто сомнительной, но катастрофически шаткой. Наследник-цесаревич вместе со своей амбициозной супругой стал вдруг заложником воли императора и его намерений относительно утверждения на троне своей новой супруги. Вынашивал ли Александр II планы коронации светлейшей княгини Юрьевской, находясь в Ливадии летом 1880 года? Вопрос, скорее, стоит несколько иначе: какой механизм возведения на трон своей новой супруги собирался использовать император? Судя по после-

дующим действиям императора и его ближайшей креатуры – остановились на варианте созыва представительной комиссии при Госсовете, своего рода нижней палаты парламента. Именно ей отводилась роль инициатора коронования Екатерины III через открытое обращение депутатов к императору. Именно поэтому министр внутренних дел Лорис-Меликов форсировал созыв выборных представителей от земств и городов. Проект Лорис-Меликова, утвержденный императором накануне покушения, и был той последней каплей, за которой немедленно последовало убийство Александра II.

«Дело 1-го Марта 1881 года» стало последней схваткой за русский трон, которую нельзя записать в актив Романовых. Свежая ветвь барона де Гранси, искусственно привитая к мощному древу Романовых, оказалась подгнившей у самого основания и отвалилась через 36 лет сама собой, повалив за собой все дерево.

Часть I

Гатчинский затворник

Глава 1. Наследство отца

Наследная пара, великий князь Александр Александрович и великая княгиня Мария Федоровна, в день 1 марта 1881 года стала венценосной и получила русский трон в полное и безраздельное пользование. Неизвестные для российской общественности причины и обстоятельства устранения царя-реформатора в Романовской семье были в общих чертах понятны, вместе с некоторыми деталями, касающимися роли генерала П. А. Черевина как самого посвященного в существо происходивших событий. Все это живо обсуждалось в салонах и дворцах Петербурга, обрастая сплетнями и домыслами. Семья Романовых восприняла происшедшее со смешанными чувствами: наследник-цесаревич Александр Александрович никогда не слыл за интеллектуала, был груб и не отесан, а его супруга датская принцесса отличалась высокомерием и склонностью к интригам. Душой романовского общества ни тот, ни другой никогда не были. Кроме прочего, за ними тянулся тяжелый хвост условной легитимности покойной матери наследника, императрицы Марии Александровны. В общем, сердечными отношениями в семье Романовых после убийства императора Александра II и не пахло.

Наиболее острый характер приняли отношения между новым императором и братом убитого царя, великим князем Константином Николаевичем, много лет занимавшим при Александре II пост председателя Государственного совета и Адмиралтейств-совета. Великий князь всегда относился пренебрежительно к наследнику Александру как малообразованному и неразвитому молодому человеку. Со временем пренебрежение переросло в открытую насмешку над примитивным мышлением племянника, которого подобное отношение бесило.

В российской историографии активно муссировался слух о причастности великого князя Константина Николаевича к покушениям на Александра II и его амбициях на российский престол. Слух этот лживый от начала до конца, до сих пор жив и составляет «тайну», которой не существует. Великий князь Константин Николаевич, являясь по своему статусу вторым человеком в государстве после императора Александра II, был, кроме всего, доверенным лицом государя и его мозговым центром. Посвященный во все секретные механизмы управления, Константин Николаевич проводил твердую политику либерализации внутренней российской жизни по европейским лекалам, в направлении внедрения парламентских принципов организации законодательства. Великий князь отлично понимал, какой ветер свалил его брата, царя-реформатора, но предпочел покинуть политическую площадку без борьбы, потерявшей всякий смысл с потерей своего лидера. В первой семье императора, однако, столь резкая перемена власти вызвала плохо скрываемый вздох облегчения, а общая формула текущего момента «Вовремя убрали...» объясняла многое. Прозрели все и сразу: акт устранения императора тщательно готовился, и показное горе победителей только усиливало общий эффект. Награждение Александра III высшим английским орденом сразу после похорон Александра II стало для сомневавшихся последним аргументом.

В российской истории перемену власти 1 марта 1881 г. никто не называл государственным переворотом. Все заслонили собой обстоятельства гибели императора и партия «Народная воля» в качестве исполнителя убийства. Тем не менее начавшаяся чуть ли не на другой день чистка высших эшелонов российской власти говорила сама за себя. Из властных структур методично удалялись министры, сановники и мало-мальски заметные деятели, определявшие лицо власти при покойном императоре. Процедуру увольнения отдельных лиц, или, по

остроумному выражению П. А. Валуева, «спуск», открыл градоначальник Санкт-Петербурга генерал-майор А. А. Федоров, за ним последовал министр почт и телеграфов Л. С. Маков вместе с упраздненным министерством. В Дневнике П. А. Валуева 25 марта 1881 года отмечено характерной записью: «Вчера, наконец, спущен Сабуров. Он замещен бароном Николаи. Далее спускается кн. Ливен и заменяется гр. Игнатьевым. Возмездие расточается свыше» [3]. Кадровые перемещения, затронувшие все заметные ведомства, действительно весьма походили на возмездие за пренебрежительное отношение к наследной чете при прежнем императоре. Тем более никто не мог предвидеть, что неприязнь между ушедшим императором и его сыном-наследником пустила такие глубокие корни. Жгучая ненависть ко всему наследию царя реформатора стала находить свое подтверждение буквально на каждом шагу: в указаниях, увольнениях и назначениях нового императора. Картина дезавуирования, с последующим удалением из Петербурга лиц из ближайшего круга Александра II, обрастала все новыми жертвами, причем назначения новых лиц на освобождающиеся места производились настолько поспешно, что случайность выбора была очевидна всем.

Для того чтобы смысл запущенного процесса не вызывал ни у кого сомнения, молодой монарх решил издать специальный манифест, который бы объяснил российскому обществу смысл происходящего. В стране не было необходимости в реставрации монархии, самодержавные порядки действовали в полной мере. Так для чего и кому понадобился Манифест от 29 апреля 1881 года? Складывалось впечатление, что удаляемые с политической сцены лица несут косвенную ответственность за убийство императора! Все, однако, было несколько сложнее. После формального суда над исполнителями убийства возникла масса слухов о заговоре, существовавшем против императора Александра II, имевшем свои корни в великокняжеской среде. Перст знающих людей прямо указывал на великого князя Константина Николаевича, брата убитого царя, как на главного заговорщика. Такой поворот общественного мнения, а тем более его тиражирование были чреваты для самого Александра III, так как великий князь был способен достойно ответить на расползание подобных слухов. Для того чтобы как-то успокоить общественное мнение, направив его в нужное русло, и была использована форма Манифеста. Под рукой у молодого монарха имелся первоклассный ортодокс славянофильской школы, занимавший пост обер-прокурора Святейшего синода, К. П. Победоносцев. Не понимая до конца, для чего это надо, Константин Петрович быстро набросал текст, сохранив основную мысль владыки-заказчика. Мысль была предельно ясна – простодушный царь-реформатор Александр II дал русскому крестьянству свободу от крепостной зависимости, справедливые суды и еще много чего, а «недостойные изверги из народа» совершили «низкое и злодейское убийство русского государя, посреди верного народа, готового положить за него жизнь свою». Манифест не объяснял, что это за «изверги из народа» и почему они подняли руку на самого царя, но его тональность органично монтировалась в предыдущий судебный процесс над злодеями «1-го Марта». Церковно-славянский стиль текста подчеркивал общую скорбь и указывал единственный для нового царя выход в создавшейся ситуации: «стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысл, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений» [4].

Одновременно Манифест подвел черту под либерально-конституционными затеями великого князя Константина Николаевича и его сподвижника министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова. Сразу после издания Манифеста последовали ключевые отставки деятелей команды Александра II: министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, министра финансов А. А. Абазы и военного министра Д. А. Милютин. На «дело управления» молодой монарх встал, избавившись, по сути дела, от всех, кто это дело осуществлял при убитом императоре. Первым подал прошение об отставке министр внутренних дел Лорис-Меликов и получил ее вместе с коротким письмом императора, где он выразил свое удивление, что прошение написано сразу после опубликования Манифеста. Осторожный Лорис-Меликов не преминул

довести до Александра III, каким образом Манифест связан с его отставкой. В своем письме великому князю Владимиру Александровичу отставленный министр написал:

«Ваше императорское Высочество!

Вчерашнего числа я обратился к Государю Императору с всеподданнейшей просьбой об увольнении меня, по расстроенному здоровью, от занимаемой ныне должности. Его Величество, почтив согласием на мою просьбу и милостивым ответом, выразил, однако, как изволисте усмотреть из представляемого в подлиннике письма, недоумение Свое по поводу совпадения моей просьбы со днем обнародования Высочайшего Манифеста. Ваше Высочество, со дня воцарения Августейшего Брата Вашего, изволили выказать мне настолько внимания и участия, что считаю себя в праве обратиться к Вам с моею почтительной просьбой. Не откажите при первом удобном случае доложить Его Величеству, что содержание Манифеста не могло и не может иметь влияние на продолжение моей деятельности, несмотря на совершенно надломленное здоровье мое... Но святой обязанностью считаю доложить Вашему Высочеству, что способ обнародования Манифеста, о самом существовании которого я узнал частным образом уже после того, как он был отпечатан, не мог не служить для меня видимым знаком Монаршего ко мне, как Министру внутренних дел, недоверия, и потому я признал долгом совести возобновить всеподданнейшую просьбу мою об увольнении меня от должности... Но факт совершился, и я решаюсь обратиться к милостивому участию Вашего Высочества выполнить мою единственную просьбу – второй не будет: да не сохранит Государь, расставаясь со мной как с Министром, какого-либо неудовольствия и продолжает считать меня в числе своих верных и преданных слуг.

Подлинное письмо Государя Императора благоволисте мне возвратить. 30 апреля 1881 г. Граф М. Лорис-Меликов» [5].

Разумеется, министр Лорис-Меликов со своими планами реорганизации Государственного Совета и образованием при нем некоей комиссии из выборных представителей от земств и городов был просто белой вороной в кардинально изменившейся обстановке. С другой стороны, просто убрать такую знаковую фигуру прошлого царствования не представлялось возможным по многим причинам, и в том числе из-за его осведомленности в планах убитого императора. Осведомленность Лорис-Меликова была такого уровня, что предпочтительнее было разойтись с ним миром. Лорису, в свою очередь, тоже было что терять: двое его сыновей служили офицерами в гвардейских частях, и их карьера только начиналась. Александр III и министр внутренних дел его убитого отца предпочли мирное расставание с взаимными прозрачными предостережениями. В Указе об отставке прозвучала обычная почетная формулировка:

«1881 года мая 4 Министра внутренних дел, члена Государственного Совета, нашего генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа Лорис-Меликова Всемиловейше увольняем согласно прошению и по болезни от занимаемой им должности, с оставлением членом Государственного Совета и в звании генерал-адъютанта».

Уходить тоже надо уметь. Лорис-Меликов ушел умно и с достоинством.

С другой фигурой прошлого царствования было намного сложнее. Министр двора А. В. Адлерберг имел прямое отношение к активам российского трона, из-за которых и «горел сыр-бор». Кроме этого, Александр Владимирович был личным другом Александра II, они дружили с детства. Будучи еще совсем юным поручиком, Александр Адлерберг стал адъютантом наследника, и с тех пор они не расставались. Все перипетии первого брака императора были ему хорошо известны, как и имевшие место договоренности умолчания. К описанию личности такой заметной фигуры необходимо прибавить, что Адлерберг имел выдающиеся способности вникать в существо любого дела и прекрасно владел пером. Это был незаменимый референт

императора по особо деликатным делам, не только личным, но и сугубо политическим. Кроме этого, Александра Владимировича отличало еще одно ценное качество – умение молчать.

Говорят, что Адлерберг был резко против второго брака Александра II и княжны Долгорукой. Наверное, лучше сказать, что, являясь другом императора, он не мог приветствовать такой рискованный шаг, который вел к острому конфликту интересов в семье монарха. Как проницательный человек, Адлерберг, разумеется, не сомневался в авторстве убийства своего друга и с этой точки зрения представлял самую высокую степень опасности для победившей стороны. Молчание такого человека стоило очень дорого. Александру III в случае с Адлербергом пришлось забыть о своем обретенном вдруг всемогуществе и предельно мягко и внимательно разбираться в хозяйстве Министерства двора, с его уделами, театрами и кассой. Кстати, передача министерских дел, растянувшаяся до августа 1881 года, показала еще и высокую порядочность Адлерберга как министра. На счету специальных средств в министерской кассе обнаружили круглую сумму в 43 411 128 рублей, что говорило о рачительном и экономном расходовании денег. Такой результат историки приписывают конкретному человеку – тайному советнику Карлу Карловичу Кистеру, непосредственно ведавшему контролем и кассой, но роль министра в таком чувствительном деле очевидна.

Наряду с большой экономией средств на свет выплыли серьезные личные долги Адлерберга, составлявшие от 1,5 до 2 миллионов рублей. Историки с удовольствием перетирают этот «компромат», совершенно забывая, что Александру Владимировичу как доверенному лицу императора приходилось оплачивать счета без указания источника их возникновения и брать их на себя.

Александру III хватило ума, чтобы, не поднимая шума, погасить все долги Адлерберга, которые были, в сущности, копеечными на фоне общего финансового результата кассы министерства. При всей своей антипатии к министру отца Александр III был вынужден организовать отставку Адлерберга на почетном уровне: ему «оставлено было содержание, которое он получал в размере 36 000 рублей, квартира – дом № 20 на Фонтанке, придворный экипаж и прислуга. На содержание ежегодно отпускалось 20 000 рублей» [6]. Кроме этого, при коронации Александра III бывший министр двора не был обойден в наградах, подкрепленных единовременной субсидией в 200 000 рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.